

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ ХРОНИКИ XII в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проф. В. Стоклицкая-Терешкович

Проблема международных отношений в Западной Европе в XII—XIII вв. освещена в западноевропейской историографии значительно слабее, чем вопросы внутреннего развития стран и государств. Даже важнейшим страницам в истории международных отношений, например внешней политике Филиппа II Августа, в которой отразились интересы трёх крупных государств—Франции, Англии и Германии,—посвящено сравнительно незначительное количество специальных исследований¹. Не отмечен и не выдвинут ряд моментов в сношениях отдельных государств между собой. При таком состоянии исследования неудивительно, что вопрос об источниках по истории международных отношений в XII—XIII вв. совсем не ставился. Не только старые источниковедческие рабо-

¹ Центральное место среди них занимает четырёхтомный труд Cartelieri «Philipp der II August, König von Frankreich», 4 B. Leipzig — Paris. 1899—1922.

ты, как Молинье, Ваттенбаха и др.², но и новейшая работа американского историка Томпсона «История историографии»³, исследуют состав, содержание и характер хроник только в плоскости общей оценки их как исторического источника. Таким образом, сама постановка вопроса о хронике XII—XIII вв. как источнике для истории международных отношений является новой.

Ценность хроники, рассматриваемой под указанным углом зрения, сильно эволюционирует на протяжении эпохи крестовых походов. Поэтому в интересах большей углублённости выводов мы решили ограничиться в данной статье хронологическими рамками XII века. Из массы западно-евро-

² Molinier «Les sources de l'histoire de France»; Wattenbach «Deutschlands Geschichtsquellen in Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhundert».

³ Thompson W. «History of historical writings». Vol. I. 1912. New York.

пейских хроник мы выделили лишь немногие, наиболее ярко отразившие постепенные этапы в эволюции точек зрения на международные отношения.

Речь папы Урбана II на Клермонском соборе прозвучала как призыв к международному действию. Лозунг, брошенный Урбаном, имел успех. В первом крестовом походе участвовали различные народности. Понятие национальности в современном смысле слова еще не известно тому времени. Хроники первого крестового похода часто говорят о «nationes», придавая этому термину иное значение, чем мы. Они применяют его как к национальностям в более широком смысле слова — немецкой, французской и т. д., — так и к жителям отдельных немецких, французских, итальянских и других областей и, наконец, к населению отдельных городов. В перечне «nationes» фигурируют французы, немцы, ломбарды, итальянцы, апулийцы, провансальцы, венецианцы, генуэзцы и др.⁴ Эти хроники неоднократно отмечают столкновения и споры между немцами и французами, венецианцами и генуэзцами и между отдельными крупными феодалами. Наиболее яркий пример последнего рода — затяжной конфликт между графом Раймондом Тулузским и Бэзмондом Тарентским, освещаемый хроникёрами первого крестового похода во всех его деталях. Но если в хрониках фигурируют немцы, французы, англичане, то нет речи о Германии, Франции, Англии. Большие государства Западной Европы отсутствуют в поле зрения хроникёров первого крестового похода и, конечно, не случайно отсутствуют, ибо и государства с более или менее централизованной организацией ещё не успели сложиться. К тому же, в этом случае сказались и влияния концепции первого крестового похода, разделяемой всеми его современниками, — концепции провиденциализма.

Её разделяют не только скромные монахи, участники первого крестового похода, как монах Роберт и Раймунд Ажильский. Её разделяет и Гиберт Ножанский, человек образованный, испытывавший на себе интеллектуальный подъём своего времени (так называемое возрождение XII в.) и к тому же писавший свою хронику в первой четверти XII в. долгое время спустя после первого похода, когда перспектива совершившихся событий была уже ясна. «Gesta Dei per Francos» («Деяния божьи, совершённые через франков») — это название, данное Гибертом Ножанским его истории первого крестового похода, выражает сущность целого мировоззрения. Бог внушил христианским народам пламенное желание защитить святую церковь, угнетаемую неверными, и, движимые этим чувством, они добровольно поднялись и «рынулись в изгнание; чтобы сокрушить врагов имени Христова, они перешли границы Латинского мира и (вообще) известного мира и сделали это с большим

ревнем и радостью, чем люди, идущие на пир» (цитата из Гиберта Ножанского)⁵.

Христианский Запад по внушению бога ринулся на мусульманский Восток. «Эти простые, грубые люди совершили большие подвиги, чем прославленные герои древности», — писал Гиберт Ножанский. Хроникёры, описывавшие эти подвиги, могли останавливаться на мелких столкновениях между крестоносцами, происшедших во время самого похода. Однако вся направленность их внимания исключала интерес к какому-либо крупным международным конфликтам внутри самого христианского мира на Западе.

Только один крупный международный антагонизм внутри христианского мира нашёл отражение в хрониках первого крестового похода, без сомнения, потому, что он был теснейшим образом связан с историей самого похода. Я имею в виду антагонизм между Западом и Византией. Здесь не место останавливаться на тех глубоких причинах, которые объясняют отношение Византии к крестоносцам⁶. В том аспекте, который нас интересует, необходимо отметить, что западно-европейские хроники проникнуты враждебным настроением к Византии. Алексей Комнин рисуется как вероломный, коварный монах. Хроники не жалеют нелестных эпитетов по его адресу. Ему приписывается главная вина за печальный исход крестьянского похода и вина за многие бедствия, пережитые крестоносцами-рыцарями. Хроники подробно останавливаются на его союзах с турками, направленных против христиан, и т. д. Одним словом, антагонизм Запада и Востока дополняется антагонизмом Запада и Византии.

Однако уже в первой половине XII в. в период времени между первым и вторым крестовыми походами, у хроникёров начинает появляться интерес к отношениям между европейскими государствами. В этом смысле заслуживает внимания хроника Ордера Виталия. Ордерик Виталий родился в 1075 г. в Англии, но был воспитан в Нормандии, в монастыре Сент-Эврель, где одиннадцати лет принял постриг. Таким образом, всю свою сознательную жизнь Ордерик Виталий прожил монахом, но не тёмным монахом. Томпсон отмечает, что Сент-Эврельский монастырь был местом встречи паломников и путешественников, ехавших из Англии в Италию и обратно⁷. Здесь можно было собрать сведения о событиях, волновавших и потрясавших Европу. Время же было бурное. Ордерик Виталий был современником первого крестового похода, большого подъёма в движении испанской реконквисты и многих других достопримечательных событий. Доходившие до него слухи об этих событиях и всё его окружение привили ему интерес к истории. Ордерик Виталий строит свою хронику не только на рассказах посетителей Сент-

⁵ «Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux». T. IV, p. 124.

⁶ Ср. для этого вопроса Norden «Das Papstum und Byzanz». 1903.

⁷ Thompson W. Op. cit., p. 239.

⁴ Так, термин «nationes» в указанных различных смыслах часто употребляется Вильгельмом Тирским.

Эврульского монастыря, но и на большом документальном материале монастырских хроник, летописей, церковных соборов, житий святых и т. д. Ордерик Виталий—только хроникёр, отнюдь не историк, в прагматической связи освещающий события прошлого. Притом он эклектик, пассивно передающий в разных частях своего труда различные мнения об одном и том же предмете. Но у этого хроникёра-эклектика свой взгляд на задачи, стоящие перед тем, кто пишет историю. Невежественные люди, говорит Ордерик Виталий, часто ошибаются, полагая, что события, происходящие на их глазах,—это нечто неслыханное и единственное в своём роде: сопоставляя их с происшедшими раньше событиями, начинаешь их понимать. История учит. Особенно следует иметь перед глазами примеры древних героев. «Я дам,—говорит Ордерик Виталий,—правдивый рассказ о многих событиях»,—и выражает уверенность, что будущие хроникёры с жадностью усвоят историю описанного им поколения и передадут её потомству для назидания и восхищения⁹. Итак, задача хроникёра—в правдивом изображении событий и героев своего времени. Как это далеко от провиденциализма, проникающего историографию первого крестового похода, и как глубоко неправ Мишо, помещая хронику Ордерика Виталия в один ряд с другими хрониками первого крестового похода!⁹

Всё мировоззрение Ордерика Виталия, вся направленность его внимания, весь тон его рассказа другие, чем у хроникёров первого крестового похода. Он говорит и о первом крестовом походе и о походе 1001 г., но для него они лишь аксессуар гораздо более широкой картины, которую он даёт. Монох Ордерик Виталий—автор «Historia ecclesiastica», так назвал он свой труд,—писатель светский.

Его произведение, принадлежащее к разряду всемирных хроник (он ведёт свой рассказ от воплощения Христа до 1140 г.), состоит из 13 книг. Оно даёт огромный материал, множество живых и ярких фигур королей, пап, духовных и светских феодалов, крупных и мелких баронов, рыцарей, предатов, священников. Политическая жизнь и войны, культура и быт, церковные соборы и церковные расколы—всё находит отражение в этой хронике. Гизо обвиняет Ордерика Виталия в бессистемном нагромождении фактов¹⁰. Количество фактов, приводимых Ордериком Виталием, действительно чрезвычайной велико. Но в этих дебрях фактов имеется определённая система. Автор стремится представить события прошлого синхронически, охватив их по возможности исчерпывающим образом. Поэтому факты, от-

носящиеся к истории Нормандии, обрастают фактами, относящимися к прошлому других местностей и стран. Но принцип синхронизма перемежается с другим принципом. Сообщив о событии, Ордерик Виталий затем последовательно рассказывает, как оно развивалось в дальнейшем, и, таким образом, далеко выходит за пределы синхронизма. Так, под 1001 г. даётся обширный обзор политических событий, охватывающих большую часть известного тогда мира от Англии до Внутренней Азии. Рассказ хроникера начинается с восстания английских баронов против Генриха I, в которое вмешивается Роберт Норманский. Затем хроникёр переходит к крестовому походу 1001 года. Далее, под тем же годом приводится рассказ о пленении Боэмунда Салиманом со всеми романтическими подробностями.

Если учесть политическую раздробленность Европы того времени, то станет ясно, что стремление Ордерика Виталия синхронически охватить жизнь множества мелких политических центров и одновременно представить дальнейшее развитие исторических событий, совершившихся в данные годы, чрезвычайно затрудняет читателю усвоение материала. Но из-за груды фактов, тщательно собранных и прекрасно, а местами и художественно освещённых, уже проглядывает преимущественный интерес автора к крупным политическим образованиям и к их взаимным отношениям. Чаще всего Ордерик Виталий говорит о политической жизни Северо-Западной Европы. Лучшее всего освещены история Англии и Нормандии, их взаимные отношения и конфликты, а также история Фландрии, Франции и англо-французское противоречие интересов в том виде, в каком оно проявилось до 1140 г., при Людовике Толстом. Под 1125 и 1138 гг. описана борьба короля арагонского Альфонса с сарацинами. Отношение Ордерика Виталия к Византии в общем носит традиционный для западноевропейских хроникёров отрицательный характер.

Рожер II Сицилийский выступает в хронике, но в неясных и смутных очертаниях. Не выявлено исключительное своеобразие этой талантливой личности и её крупная роль в международной дипломатии того времени. Совершенно не затронуты отношения Рожера II к Византии и Германии. Германия с её борьбой между вельфами и Штауфенами, нашедшей продолжение в международных отношениях¹¹,—пустое место в хронике Ордерика Виталия. Таким образом, важнейший узел международных противоречий, назревших в противоположном от Англии углу Европы (Германия, норманская Сицилия, Византия), остался не замеченным Ордериком.

Томпсон говорит, что «Historia ecclesiastica»—это история важнейших европейских событий времени Ордерика Виталия¹². Если

⁹ Orderici Vitalis «Historia ecclesiastica», liber IX, 17; VI, I. См. Migne. Patrologia latina. T. 188, p. 716, 749.

¹⁰ Michaud «Bibliothèque des Croisades». Part. I, p. 310 ss. 1829.

¹¹ Guizot M. «Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France». T. 25. «Notice sur Orderic Vital. Le désordre qui règne dans l'ouvrage du moine de Saint-Evroul».

¹¹ «Monumenta Germaniae historica», S. S., V. 21, p. 468. Хроника «Генеалогия вельфов» сообщает, что Рожер II подкупал вельфов ежегодными субсидиями, чтобы побудить их к неослабной борьбе с Штауфенами.

¹² Thompson W. Op. cit., p. 240.

подойти к хронике Ордерика Виталия с интересующей нас точки зрения, то взгляд Томпсона окажется нуждающимся в существенной оговорке. Интерес к международной жизни уже пробудился у Ордерика Виталия, но его политический кругозор ограничен в этом смысле фактами, относящимися к соседним с Нормандией странам. Очевидно, его источники не раскрывали перед ним более широких международных горизонтов. Европа Ордерика Виталия — это Европа толпы паломников, посещавших Сент-Эврельский монастырь, и документов, находившихся в распоряжении автора.

Всего только несколько лет отделяет конец хроникёрской деятельности Ордерика Виталия от того момента, когда другой крупный хроникёр XII в., Оттон Фрейзингенский, приступил к составлению своих трудов. Между тем разница в концепции исторического развития и в трактовке исторического материала между ними огромна. Оттон Фрейзингенский был человеком другого поколения, чем Ордерик Виталий (последний родился в 1075 г., Оттон Фрейзингенский — в 1110 или 1111 г.), и принадлежал к другим общественным кругам. Он был дядей Фридриха I Барбароссы, получил образование в Парижском университете и являлся одним из образованнейших людей своего времени. Хроники Оттона Фрейзингенского пользуются общим признанием в источниковедческой литературе (в работах Потгаста, Ваттенбаха, в цитированном новейшем труде Томпсона)¹². Но оценка, даваемая авторами этих трудов Оттону Фрейзингенскому, всё же различна. Ваттенбах полагает, что центр тяжести внимания Оттона Фрейзингенского — в философско-богословской трактовке вопросов, и отказывается признать его труды историческими произведениями¹³.

Оттон Фрейзингенский вообще пользуется большой известностью как философ. Его философия истории породила целую литературу¹⁴. Примыкая в своих историко-философских построениях к Августину, он всё же проявляет в этой области, как и в понимании отношения церкви к государству, большую самостоятельность мысли.

Иначе, чем Ваттенбах, подходит к Оттону Фрейзингенскому Томпсон. В его глазах Оттон Фрейзингенский — крупнейший представитель не только философской, но и исторической мысли своего времени. Его хроника, говорит Томпсон, — «это крайнее выражение возрождения XII в. в Германии»¹⁵. В противоположность Ваттенбаху Томпсон особенно подчёркивает историческую ценность произведений Оттона Фрейзингенского, отразивших крупнейшие исто-

рические события своего времени. Изучение хроник Оттона Фрейзингенского не только подтверждает точку зрения Томпсона, но вместе с тем расширяет определённую концепцию международных отношений, что для нас особенно интересно.

Оттону Фрейзингенскому принадлежат две хроники, дошедшие до потомства: «Книга о двух государствах», написанная в 1143—1146 гг. (иначе она называется «Об изменчивости земного»), и хроника под названием «Деяния императора Фридриха»¹⁷. Третья хроника Оттона Фрейзингенского — «История Австрии» — до нас не дошла. Хроники сильно отличаются друг от друга. Первая, состоящая из восьми книг, принадлежит к разряду всемирных хроник. Она ведёт повествование ab Urbe condita до девятнадцатого года правления Конрада III. Особое значение в историческом отношении имеет 7-я книга, начинающаяся с истории первого крестового похода, а затем дающая материал по истории XII в. до 1146 года. Это эпоха, современная Оттону Фрейзингенскому. В 7-й книге с особой яркостью проявляется его творческая индивидуальность, и она особенно интересна для нас как источник, позволяющий судить о политической действительности того времени. 8-я книга трактует о пришествии антихриста, воскресении мертвых и конце мира. Всё произведение, написанное под непосредственным влиянием развёртывавшейся в Германии борьбы вельфов с Штауфенами, проникнуто чувством глубокого пессимизма. Существуют два государства — мирское и вечное, земное и небесное — государство дьявола и государство Христа, Вавилон и Иерусалим. Второе неизмеримо выше первого. Своё время Оттон Фрейзингенский считает последним. Гражданская война, раздражающая Германию, и рост монашеского и крестового движения представляются ему признаками приближающегося конца мира. Германская империя — преемница Римской империи, но она превратилась в её тень, к ней прилипла грязь. Глава мира, она олицетворяет собой его ветхость. Рассказ хронике перемежается с размышлениями о бренности всего земного. С глубоким сокрушением повествует хроника о «борьбе отца с сыном» — Генриха IV с Генрихом V — и о кончине Лотаря II Суплинбургского, который после блестящего правления умер в бедной альпийской хижине.

Однако философия пессимизма несколько не мешает Оттону Фрейзингенскому с большой остротой мысли охватывать международные отношения XI—XII вв. и верно отражать их в своей хронике. В ней нет той загромождённости мелкими подробностями феодального быта, которая так характерна для хроник Ордерика Виталия. Основные факты международной жизни ясно и чётко встают со страниц хроник Оттона Фрейзингенского, хотя она и несвободна от фактических ошибок.

Большую ценность представляют сведения о личности, политике и походах Рожера II Сицилийского в различные периоды его деятельности. Этими данными Оттон Фрей-

¹² Potthast «Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters», S. 477. 1862; Wattenbach. Op. cit., p. 350—354; Thompson W. Op. cit., разные места, см. ниже.

¹⁴ Wattenbach. Op. cit., S. 353.

¹⁵ См., в частности, Hashagen J. «Otto von Freisingen als Geschichtsphilosoph und Kirchenpolitiker». 1900.

¹⁶ Thompson W. Op. cit., p. 195.

¹⁷ «Monum. Germ. hist.», S. S. Tom. XX.

зингенский восполняет ощутительный пробел хроники Ордерика Виталия. Не меньшую ценность представляют и сведения о заключении союза двух империй — Западной Римской и Восточной Римской — и о ранних стадиях его существования. Они переплетены с данными о политике Иоанна II Комнина в Антиохии и о событиях в Иерусалимском королевстве. Привожу этот рассказ: «В 1143 г. император Константинополя Калоиоанн II, заключивший союз дружбы с римским королём через посредство обручения своего сына Мануила с сестрой королевы Гертруды, Бертой Зульцбахской, был обманут, когда вступил с большой армией в Сирию, князем Антиохии — Раймондом, нарушившим данное за деньги клятвенное обещание передать Калоиоанну провинцию и город¹⁸. Местный епископ оказал (Калоиоанну) открытое сопротивление и убеждал его от имени римского папы отказаться от штурма, так как город находился во владении латинян. Тот (Калоиоанн) пощадил город, но так как он был обманут князем, то он огнём и мечом опустошил всю область, поступив не как Калоиоанн, т. е. добрый Иоанн». Иоанн оставил империю своему сыну Мануилу. В то же время, в ноябре 1143 г., умирает король Иерусалима Фулько и оставляет управление государством своему сыну Балдуину III. Став королём, Мануил отправляет послов с дорогими дарами к королю Конраду и возобновляет союз.

Между Иоанном, отцом этого императора, и Конрадом союз был заключён против Рожера, «врага обоих государств». Так, перед нами в синхроническом разрезе встает историческая обстановка, в которой сложился союз двух императоров, имевший столь важное значение в сфере международных отношений. Его основная причина — общий антагонизм Германии и Византии против нормано-сицилийского государства. Союз скрепляется браком именов обоих правящих домов¹⁹.

Та же, 7-я книга освещает баварско-венгерский конфликт, разразившийся в сентябре 1146 г. между герцогом Генрихом Баварским и Гейзой Венгерским.

6-я книга касается отношений между Германией, Польшей и Венгрией.

Таким образом, международный горизонт, освещаемый хроникой Оттона, значительно шире, чем он рисовался Ордерику Виталию, и соотношение международных политических сил представлено с большей углублённостью, чем в «Historia ecclesiastica». Но и хроника Оттона не охватывает всей международной жизни Европы. Англо-французское противоречие интересов и политическая роль пиренейских государств совершенно не нашли в ней отражения.

Второй труд Оттона Фрейзингенского, носящий название «Деяния императора Фридриха», также, несомненно, является историческим произведением. Настроение автора радикально изменилось со времени составления им «Книги о двух государствах».

¹⁸ Речь идёт, очевидно, об Антиохии и антиохийском княжестве.

¹⁹ «Monum. Germ. hist.», S. S. T. XX, p. 263

вах». Философия пессимизма исчезла, но хроникёр остался в общем верен своему мировоззрению. Он остался, как и был, поклонником сильной власти в государстве, и если отсутствие её при Конраде III болезненно ущемляло его чувство патриота, то события последующего периода истории Германии открыли его лучшим надеждам²⁰. Восшествие на престол племянника Оттона, Фридриха I, прекращение им борьбы между Штауфенами и вельфами, подъём международного значения Германии преисполнили душу Оттона Фрейзингенского восторгом. Фридрих I заслонил в его душе образ Лотаря Суплинбургского, героя «Книги о двух государствах». Оттон предложил Фридриху написать историю его правления, на что последний охотно согласился. Оттону был прислан из императорской канцелярии весь документальный материал, нужный ему для осуществления его начинания. Но Оттон располагал большим, чем документы. Как лицо близкое к Фридриху, он был знаком с руководящими идеями императорской власти, знал направление всей внешней политики империи, встречался с массой лиц, занимавших руководящие должности в государстве. Ему неоднократно получались дипломатические миссии. «Деяния Фридриха I» (они доведены лишь до 1156 г.) стали апологией Фридриха и императорской власти.

В этой хронике широко использована богатая дипломатическая переписка германских императоров и широко применён приём композиции речей, очень частый у хроникёров этой эпохи. Эта манера очень оживляет изложение, но вместе с тем придаёт хронике колорит торжественной напыщенности.

Оттон Фрейзингенский начинает «Деяния» с 80-х годов XI в., но период, предшествовавший вступлению на престол Фридриха Барбароссы, получает в «Деяниях» совершенно другое освещение, чем в «Книге о двух государствах». Позорные в глазах Оттона страницы истории Германии: борьба Генриха IV с Генрихом V и Штауфенов с вельфами, равно как неудачный второй крестовый поход, — мало освещены. «Деяния» дают гораздо меньше для их понимания, чем «Книга о двух государствах». Зато внешняя политика Германии и в связи с нею международные отношения встают выпукло и ярко.

В «Деяниях» союз двух императоров занимает ещё большее место, чем в «Книге». Интересно отметить, что в связи с общим изменением тона хроники подвергаются переоценке личность и политика Конрада III, заключившего этот союз. В «Книге о двух государствах» Конрад — довольно жалкая личность, к которой Оттон Фрейзин-

²⁰ Будучи Штауфеном по происхождению, Оттон относился, однако, с большим уважением к Лотарю II Суплинбургскому как к сильной личности. «Если бы смерть не унесла его, — пишет Оттон о Лотаре, — то он оказался бы тем человеком, который мог бы силой своих способностей и энергии поднять государство до прежнего значения» («Monum. Germ. hist.». Ibid., p. 259).

генский относится с пренебрежением. В «Деяниях» он вырастает в мощную фигуру, повелевающую народами и обнаруживающую высокопарный и властный тон в отношении Византии. «Книга» даёт лишь начальный момент заключения союза двух империй. «Деяния» развёртывают в форме переписки двух императоров последовательные стадии в развитии союза.

Уже в первом письме Конрада III к Иоанну II Конрад развивает теорию приоритета и старшинства Западной Римской империи перед Восточной. Речь идёт о том же заключении германо-византийского союза и браке Мануила с Бертой Зульбахской. «Ни для кого не является тайной, — гласит послание Конрада, — что ваш новый Рим — дочь нашего римского государства. Поэтому мы и указываем наследие, которое мать обязана дать дочери... тем более охотно, что мы видим, что дочь готова исполнить свои обязанности в отношении матери, признавая авторитет матери выше своего. У обоих государств общие интересы, у них общий друг и общий враг как на суше так и на море, и кто обнаружит неуважение к дочери — норман ли, саксон ли или кто-либо другой, тот узнает мощь матери»²¹.

Далее следует огромное самовосхваление, очевидно, рассчитанное на то, чтобы рассеять возможные сомнения Иоанна в прочности власти Конрада и внушить уважение к мощи короля Германии. Конрад пишет, что на последнем рейхстаге (не удалось определить, о каком рейхстаге идёт речь) присутствовали все князья империи, не исключая тех, кто раньше не хотел признавать его власти; теперь они склонились перед его волей. «Кроме того, Франция, Испания, Англия, Дания и другие соседние государства ежедневно присылают к нам посольства, с изъявлением покорности и готовности исполнять веления нашего государства. Мы не скроем также от твоей мудрости, что господин папа (Иннокентий II) и вся Апулия, Италия и Ломбардия ждут не дожидаясь нашего прихода и смиреннейшим образом просят, чтобы мы, вооружённые нашей императорской мощью, оказали им поддержку»²².

Документально подтверждённые факты говорят, что и после смерти анти-короли Лотаря и своего вторичного избрания (1138) Конрад III всё же не сразу подавил всю княжескую оппозицию. Его международное положение также не было таким блестящим, как его изображает Оттон. Но, несмотря на тенденциозное искажение фактов, приведённые письма всё же очень интересны для нас. В них отразился широкий круг международных сношений Германии. Они распространяются не только на Западную, но и на Восточную Европу.

Один абзац письма представляет в этом смысле особый интерес. Конрад пишет о русских, которые, как он выражается, «покрыли позором наше государство, убив наших людей и присвоив себе наши день-

ги». Он просит Иоанна II поступить с ними так, как надлежит его другу и родственнику. Из ответа Иоанна, изъявившего готовность исполнить просьбу Конрада, явствует, что указанный факт произошёл не только по вине русских, но и в России²³. Смысл этой переписки недостаточно ещё выяснён. Цитируемые места толкуются различно, в зависимости от перевода слова «homines», встречающегося в латинском тексте²⁴. В «Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit» термин «homines» приравнивается к «milites» и переводится как «воины». Васильевский в своей статье «О древней торговле Руси с Регенсбургом» переводит «homines» словом «купцы». Необходимо дополнительное исследование с привлечением русских и византийских источников, чтобы пролить свет на инцидент, о котором трактует переписка. Инцидент настолько интересен с точки зрения международных отношений, что заслуживает подобного исследования. Но оно выходит за рамки задачи, поставленной нами в настоящей статье²⁵.

Следующее послание Конрада III адресовано Мануилу (оно относится к 1145 г.). Из него видно, что уже на этой стадии существования союз двух империй начинает давать трещину. По видимому, послы Мануила осаживали притязания Конрада на верховенство Западной Римской империи над Восточной, чем вызвали его возмущение. Но недоразумение было на этот раз улажено.

Из дальнейшей части «Деяний» вытекают новые моменты из истории союза. Они относятся уже ко времени правления Барбароссы Вторжене наследника Рожара — Вильгельма I — в южноитальянские владения империи и Византии, происшедшее в 1153 г., дало толчок к укреплению союза. Произошёл обмен посольствами между Барбароссой и Мануилом. Но, как пове-

²³ «Monum. Germ. hist.», p. 364.

²⁴ Praeterea de Reutenis, qui ad contemptum imperii nostri, occisis hominibus nostris, pecuniam nostram sibi usurpaverunt, sicut convenit in causis omni et propindui tui et sicut nobis scripsisti, ita facias».

²⁵ Geschichtsschreiber XII. Bd. IX, S. 47.

²⁶ В Журнале Министерства Народного Просвещения (июль 1888 г., стр. 120—190) Васильевский пишет: «Та сторона дела, что немецкий государь жалуется на русских императору византийскому и этим путём надеется получить удовлетворение, не нуждается в особых толкованиях. Это объясняется представлением, что императору византийскому принадлежит верховная власть над всем христианским восточным миром, как императору западному принадлежит такая же власть на католическом «Западе». Если учесть, что Конрад III выдвигает идею приоритета Западной Римской империи над Восточной, то вряд ли окажется возможным принять это объяснение. Вероятнее всего будет предположить, что византийский император каким-то образом был в состоянии помочь Германии в восстановлении её реальных интересов, нарушенных русскими».

²¹ «Monum. Germ. hist.». Ibid., p. 363.

²² «Monum. Germ. hist.». Ibidem, p. 363—364.

стает хроника, предательское поведение византийских послов, которые, опираясь на выкраденные ими в Анконе и ложно истолкованные грамоты Барбароссы, вернули под власть Византии обширные области в Южной Италии, привело к разрыву²⁷.

В 1156 г. послов Мануила не допустили к Барбароссе и задержали. Обстановка разрыва ясно выступает в хронике. Сознание своей мощи у Барбароссы огромно. В ответной речи восставшим римлянам, которые возмутили его своими требованиями, Барбаросса неоднократно именует себя «владыкой мира», как наследник Карла Великого. «У нас твои консулы,—ответит он Риму,—у нас твой сенат, у нас твоё войско... франкская знать будет управлять тобою, франкские рыцари защитят тебя... Я—законный владыка. Пусть, кто может, вырвет палицу из рук Геркулеса. Не следует этого сицилиец, которому ты доверяешь. Пусть он вспомнит примеры прошлых времён. С божьей помощью он испытает ещё когда-либо последствия своего безрассудства»²⁸. Он, Барбаросса, промышляет о восстановлении границ своей империи. Он это уже сделал в отношении Дании, которая недавно покорена им и, как он выражается, «включена в сферу римской власти». Ту же участь испытали бы многие провинции и королевства, если бы этому не помешал настоящий итальянский поход. К Византии Барбаросса обнаруживает пренебрежение. Он называет её в этой речи «маленькой Грецией» и говорит о «слабости греков». Ему, объединителю Германии, прекратившему в ней пражданскую войну, ему, победоносно выступавшему против ломбардских городов в первом итальянском походе, Византия не нужна больше как противовес нормано-сицилийскому натиску. В этом причина разрыва с ней.

Оттон Фрейзингенский довел «Деяния» Фридриха I до 1156 года. Его продолжателем явился его секретарь Рагевин. Он пользовался тем же богатым документальным материалом, что и его предшественник, но без блеска и таланта последнего, благодаря чему панегиристическая тенденция его хроники выступает ещё резче, чем у Оттона Фрейзингенского²⁹.

Необходимо, однако, отметить, что хотя круг международных отношений, отражённый в хрониках Оттона Фрейзингенского (а также Рагевина), значительно более широк, чем в хронике Ордерика Виталия, и даёт больше данных для того, чтобы судить об общем характере международного положения в Европе,—исчерпывающих сведений в этом смысле не даёт и Оттон Фрейзингенский. Так, мы не находим у него никаких данных об англо-французском противоречии интересов и борьбе Англии с Францией. К тому же далеко не все мо-

менты в истории международных отношений тракуются им с достаточной полнотой. Так, например, очень слабо освещены отношения между нормано-сицилийским королевством и остальной Европой. Под 1147 г. у Оттона Фрейзингенского приведён рассказ о военном походе Рожера II Сицилийского против Византии. Но связь между походом Рожера и вторым крестовым походом и, в частности, отношение Рожера к Людовику VII совершенно не затронуты им. Между тем и то и другое чрезвычайно характерно для международной ситуации, сложившейся в тот момент в Европе.

Огромный рост международной торговли, главным образом левантской, в XII в. и постепенное формирование больших государств кладут основу регулярным международным отношениям. Возникают явные различия между международными противоречиями, образуются союзы государств. На этой почве у хроникёров возникает интерес к международной политике. Но процесс становления больших, централизованных государств ещё только начинается. В международных коалициях XII в. наряду с главами больших государств принимают участие феодалы. Наиболее характерные примеры этого рода — политические союзы, образующиеся во время англо-французских войн.

Наряду с королями—английским и французским — и императором германским в них выступают граф фландрский, герцог брабантский и многие другие феодалы. Отсюда вытекает большая трудность охватить полностью или хотя бы в значительной части сферу международных отношений. Сознание хроникёров — даже наиболее крупных — ещё ограничено в этой области. В своих произведениях они отражают лишь некоторую часть того, что происходит. Этой ограниченности, как мы видим, не избежал и Оттон Фрейзингенский.

Сдвиги, совершившиеся в первой половине XII в. в понимании западноевропейскими хроникёрами международных отношений, выразились не только в сильном расширении политического кругозора.

За тот период времени, к которому относятся изученные нами хроники, историческая мысль средневековья прошла большой путь. Меняется общее мировоззрение хроникёров. Провиденциализм начала века, произносящий произведения хроникёров, повествующих о первом крестовом походе, и связанный с восхвалением героев этого похода, уступает место культу героев вообще, героев, двигавших события, героев, на примерах которых потомки учатся. Это—мировоззрение Ордерика Виталия. У Оттона Фрейзингенского массовый культ героев уступает место культу единой, сильной личности, императора — владыки мира — и культу империи. В хронике его геной — Лотарь II Сугдлинбургский, в «Деяниях» — Фридрих Барбаросса.

Одновременно с общей эволюцией исторической мысли складывается концепция международных отношений. У Ордерика Виталия её, в сущности, нет. Он ограничивается повествованием о событиях. У От-

²⁷ О разрыве союза двух империй см. «Архив Маркса и Энгельса», Том V, стр. 140—141. М. 1938.

²⁸ «Monum. Germ. hist.», S. S. T. XX, p. 405.

²⁹ Хроника Рагевина помещена в том же, XX томе «Monum. Germ. hist.», S. S.

тона Фрейзингенского она ясно выступает, и в угоду ей искажается историческая истина. Эта концепция кульминирует в идее подчинения всех государств единой Римской империи, отождествляемой с Западной Римской империей и возвышающейся на 1 Восточной Римской империей. Подчинение мыслится в понятиях феодального общества как зависимость вассалов от сюзерена. Система государств рисуется как система подчинённых частей единой феодальной монархии. Это идея самого Барбароссы, частично осуществлённая в вассальной присяге, которую он принял от датского короля. Крайнее выражение она получила в завоевательной программе его сына — Генриха VI, выдвинувшего лозунг всемирной империи под главенством тевтонов³⁰.

Чрезвычайно характерно и вместе с тем вполне понятно, что расширение международного политического кругозора так ярко проявилось у хроникёра Германии — государства, которое во второй половине XII в. вело интенсивную политику экспансии. Международный кругозор хроникёров Франции в XII в. чрезвычайно узок³¹, что соответствует характеру внешней политики Франции в то время. Всецело поглощённый борьбой с Англией из-за владений последней на континенте, Филипп II Август не помышлял о дальнейших завоеваниях. Зато Генрих II Плантагенет — второй современник Фридриха II Барбароссы — в своей внешней политике резко обнаруживает ту же тенденцию экспансии, что и Барбаросса и Генрих VI, осуществляя её не столько путём завоеваний, сколько через посредство дипломатических браков³². Английская хроника времени Генриха II Плантагенета и Ричарда Львиное Сердце отразила этот факт. Она обнаруживает большой интерес к вопросам международных отношений и большую осведомлённость в них. Остановилось для иллюстрации сказанного на самой обширной хронике этой эпохи — хронике Говдена³³.

Хроника Говдена — это история Англии, начинающая повествование с VII в. и доводящая его до 1201 года. Она чужда какой бы то ни было философской концепции и эмоциональной окраски. Говден не изливается в lamentациях по поводу порчи мира и предстоящей гибели его, как это делает в своей «Книжке о двух государствах» Оттон Фрейзингенский, и не заостряет подобно ему всего изложения в патетическом вос-

хвалении императорской мощи Барбароссы и в подчёркивании фактов, подтверждающих признание всеми народами Барбароссы владыкой мира. Говден просто повествует о событиях, и не только повествует, но и говорит языком документов. Трудно найти хроникёра, произведение которого включало бы в себе такое множество документов, как хроника Говдена. Он не только пишет на основании документов — он приводит их целиком. В четырёх обширных томах этой хроники в издании Стеббса мы находим огромный эпистолярный материал, большое количество документов дипломатического характера — договоры между Францией и Англией, между Генрихом II и Вильгельмом Шотландским, хартию Вильгельма Стилиийского с точным перечислением владений, закрепляемых по брачному договору за его невестой, дочерью Генриха II, Иоанной; обширный материал актов, относящихся к конфликту между арагонским королём Альфонсом и наваррским королём Санчо, которые обратились к Генриху Плантагенету с просьбой о третейском разбирательстве (1177); договор о соглашении между папой Александром III и Фридрихом Барбароссой (1177); ряд папских декретов различного содержания. В культурно-историческом отношении большой интерес для историка представляет обширный материал, касающийся борьбы с альбигойской ересью: показания еретиков на допросах, послания Бернарда Клервоского, Беседы Ричарда Львиное Сердце, находившегося на пути в Палестину, с Иохимом Фиорийским об антихристе и другие документы. Хроника Говдена, как мы уже указали, — история Англии, но Говден стремится точнеешим образом отразить в ней все важнейшие исторические события, происшедшие в Европе, не обнаруживая при этом своих собственных настроений, мнений и взглядов. Его личность ступёвывается. Его политический кругозор широк и охватывает не только большую часть европейского мира, но и некоторые государства Африки и Азии — доказательство того, что Англия была уже при Генрихе Плантагенете вовлечена в широкий круг международных сношений. Понятно, что Говден уделяет больше всего внимания англо-французским разногласиям, войнам и договорам между Англией и Францией, подробно освещая, таким образом, один из важнейших узлов международных противоречий в Западной Европе XII века. Этим он пополняет пробел, имеющийся в хрониках Оттона Фрейзингенского.

Хроника содержит подробный рассказ о Византии последних Комнинов, сведения о мусульманском мире под властью Саладина, о нападении мароккского султана на Португалию и о многом другом.

Значительное место в хронике Говдена занимает третий крестовый поход, столь важный в международном отношении, причём Говден, как и Бенедикт Питерборский, даёт совершенно другое освещение остановке Ричарда Львиное Сердце и Филиппа II Августа в Сицилии, чем автор

³⁰ См. Тоесче «Kaiser Heinrich VI». 1867.

³¹ Мы имеем в виду Ригора и Вильгельма Бретонского

³² Ср. Пти Дютайли «Феодальная монархия во Франции и в Англии». Из специальных исследований о Генрихе II Плантагенете; Cartelliere «Die Machtstellung Heinrichs II in England». Neue Heidelberger. Jahrbücher. Bd. VI, S. 1898; «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Ч. V, стр. 153, 159 сл.

³³ «Rerum Britannicarum medii aevi scriptores». T. 51. Вып. 4-й, «Chronica magistri Rogeri de Hovden». 1869—1870.

хроника *Itinerarium Ricardi* I³⁴. Последний сбивчиво повествует лишь о столкновениях, происшедших в Сицилии между Ричардом Львиное Сердце, Танкредом и местным населением.

Говден и ещё яснее Бенедикт Питерборский — единственные хроникёры, недвусмысленно утверждающие, что действия Ричарда Львиное Сердце были рассчитаны на захват Сицилии (в менее ясной форме об этом говорит немецкая хроника «Марбахские анналы»). Таким образом, обе хроники, хотя и в неполной мере, приподнимают завесу над англо-германским противоречием интересов в конце XII в., так мало освещённом в исторической литературе. В этом же аспекте англо-германских противоречий интересен и рассказ хроники Говдена о завоевании Ричардом острова Кипра. Очень подробно дана у Говдена история пленения Ричарда. Для изучения этой истории хроника Говдена — важнейший источник. Но пленение Ричарда — фокус, в котором отразилось англо-германское и англо-французское противоречие интересов.

Таким образом, хроника Говдена, столь многогранная по своему содержанию и вместе с тем столь бесстрастная по трактовке материала, не только обнаруживает гораздо более широкий политический кругозор,

чем предшествовавшие ей хроникёрские труды, но вместе с тем и заметно углубляет представления о внешнеполитических вопросах, сообщая данные о скрещивающихся линиях развития и об одновременном столкновении разнородных интересов нескольких государств. Однако у Говдена отсутствует идея подчинения всех государственной власти единого верховного сюзерена.

Подвергнутые анализу, хроники раскрыли перед нами своеобразную эволюцию историографии XII века. Она всё более широко и углублённо отражает область международных отношений и в лице отдельных своих представителей уже выдвигает их общую концепцию.

Значение хроник XII в. как источника, отражающего международные отношения, очень велико. Тем не менее ввиду неполноты и ограниченности их содержания историк, исследующий эту сферу, не может положить в основу своего труда одни только хроники или даже главным образом хроники, хотя бы он пополнил одни из них другими, что весьма целесообразно. Только комбинированное пользование разными хрониками и другими памятниками XII в., главным образом дипломатическими актами и эпистолярным материалом³⁵, способно пролить свет на сложный характер международных отношений этой эпохи.

³⁴ «*Rerum Britannicum medii oevi scriptores*». Т. 38, стр. 153—171. 1864.

³⁵ Подчёркиваю особенно значение папских эпистолярцев.